

Выставки состоявшиеся, состоявшиеся наполовину
и несостоявшиеся.

1. Эстония - Ленинград

С 9-го по 15 мая в г.Тарту в помещении студенческого кафе проводилась выставка ленинградских неофициальных художников, организованная по инициативе местного студенческого комитета. Следует признать этот культурный контакт удачным, так как в значительной мере он закономерен и ожидался давно в силу родства художественных поисков в Эстонии и в среде молодых ленинградцев.

До революции культурные связи Эстонии-Петербурга чаще всего были односторонними. Петербург как мощная культурная метрополия очень мало брал от Эстонии, разве что кое-какие художественные впечатления во время летних вакансий студентов и педагогов Академии Художеств. Сравнительно немногочисленные студенты-выходцы из Зетляндской губернии большей частью механически переносили художественный опыт Академии на местную почву.

Ситуация в этой прибалтийской стране существенно изменилась за годы ее государственной обособленности. Значительно ускорились поиски национального стиля, некоторые из местных мастеров, в первую очередь, Випрайт-обрели известность в художественных кругах, вышедшую за пределы маленькой страны. Особое влияние на развитие культуры Эстонии оказывала родственная Финляндия, где еще к концу XIX века сформировался интересный и достаточно органический сплав местных традиций и стилистики модерна. В этом плане примечателен тот факт, что первая выставка нового русского искусства уже собственно XX века происходила в связи с финскими художниками-речь идет о русской-финляндской выставке 1898 года, которая начала художественную практику "Мира искусства" и всех последующих новых течений.

В 40-50 гг. нашего века эстонское изобразительное искусство уже практически лишлось результатов, достигнутых за предыдущие десятилетия и в лучших своих образцах лишь

носило следы этнографического колорита — прежде всего в графике, всюду снова стал господствовать помпезный академический стиль, как и всюду от Баттини до Тихого океана.

Положение стало меняться в начале 60-х гг. в связи с общим национальным возрождением. При этом следует отметить любопытный парадокс. При значительном подъеме националистических тенденций, заметно проявляющихся в современной Эстонии (и это ощутимо каждым русским, бывавшим там), последние не нашли себе место в изобразительном искусстве, по крайней мере в новых формотворческих тенденциях. За длительные периоды господства датчан, брден, шведов, Российской империи, в условиях преобладания немецкой интеллигенции не успели сформироваться собственно национальные художественные традиции в искусстве. — даже то, что выделяло местную художественную продукцию носило не столько эстонский, сколько "эстляндский" характер. Ситуация в Эстонии осложнилась еще и тем, что "верхняя" культура носила замаскированный характер. При разработке собственных форм нельзя было опираться и на религиозную традицию, ибо лютеранство в отличие от православия и католицизма не имеет такого унитарного характера, когда в сплаве национальных форм и вселенских идей образуются оригинальные культуры.

Об этих перипетиях культуры рассказывали гости из Эстонии — литературовед Георгий Пославский и художник Ленхардт Ланин, сопровождавшие свои сообщения иллюстративным материалом. Дальнейшие поиски эстонских художников привели к супрематизму, прежде всего к опыту русской школы 1910-20 гг. Сравнительная молодость собственно эстонской "верхней" культуры (мы опускаем народную традицию, столь ярко пока проявляющуюся в декоративно-прикладном искусстве, и находящуюся пока лишь очень опосредованное выражение в других видах), слабое развитие всеобъемлющей идеи типа религиозного сознания национального типа — все это привело многих современных эстонских художников к парадоксальному культурному ссечтанию, казалось бы несочетаемого: русского супрематизма и разного рода дальне-восточных мистических учений — буддизма, дао, дзен и пр.

Дока трудно сказать, в какой степени подобный символ является органическим. Эстонские художники владеют отточенной и почти европейской современной техникой, широким усвоенным различными форм. Прогрессу в этих областях способствует и иная атмосфера. Практически там нет деления на официальных и неофициальных, большинство новаторов и "авангардистов" получили правовой статус членом Союза художников, обновилось и руководство последнего — в рядах его преобладают люди между 30 и 40. Деление на "реформаторов" и "консерваторов" в Эстонии проходит на ином срезе, и, если бы мы механически перенесли этот принцип на ленинградскую почву, то в "консерваторах" оказалась бы большая часть наших ленинградских "неофициалов". Проходившая весной в ленинградском манеже выставка современного эстонского искусства достаточно ясно об этом сказала. Большинству наших художников не хватило бы ни технического уровня, ни сделанности, а также чувства экзистенциального, чтобы дотянуться до тех эстонских "правых", которые и были по преимуществу там выставлены.

Тем не менее, выставка наших художников в Тарту имела определенный успех. Выставлялись: "Вик", "Алена", С.Сергеев, А.Александров, Г.Вогомоллов и А.Аветисян. Всего экспонировалось 96 работ в разных техниках, но преимущественно живопись. Последние трое из перечисленных выставили от 2 до 5 работ, основная масса работ была выставлена первой "тройкой". Неплохо то, что на выставке были представлены разные поколения наших "неофициалов": старшее — Г.Вогомоллов, среднее — А.Аветисян и прочие — так называемое "младшее", которое и внесло наиболее существенный вклад в экспозицию и ее результат. Они же и приложили максимум энергии для реализации идеи выставки современного ленинградского искусства — той идеи, которая долгие мусировалась в "старших", но практически не была реализована. После смерти В.Рухина, который имел постоянные контакты с эстонцами (что, кстати, и нашло свое несомненное отражение в его собственном стиле) и эпизодических отдельных попыток, это первая значительная удача в установке необходимых контактов с "ближайшей цивилизацией".

Мы можем по-разному оценивать работы перечисленных художников, достаточно известных ленинградскому зрителю, но тем не менее, определенный успех выставки (о которой сообщали и эстонские друзья) должен, не приводя к забвению наших внутренних художественных проблем, понять причины этого успеха, т.е. прежде всего — понять сильные стороны современного ленинградского искусства на фоне архимеднейших и почти западных формотворческих направлений.

Упомянутая выставка эстонского искусства в Манеже дает эту возможность. Нашего зрителя не могла не поразить сработанность представленных вещей, эстетическая (в духе Баухауза) профессиональность при работе с материалом, свободное и даже привычное оперирование сложными структурами (большая заслуга в этом, кстати, ленинградского старейшего художника Павла Михайловича Кондратьева — ученика К. Малевича, не ставшего пророком на родине, но пользующегося огромным влиянием и авторитетом в Эстонии). Эта выставка особенно подчеркнула "непрофессионализм" подавляющего большинства наших художников и прикладников — это в равной степени относится и к "досхевцам" и к "неофициалам": наше искусство обнаружило значительную загрязненность "шлаками производства", сыроватость, небрежность, неумение "довести" работу, большее смущение при работе над сложными структурами — словом, изрядный дилетантизм в том, что касается "формы" (в суженном понимании этого понятия).

И тем не менее, выставка и в Манеже не могла особенно взволновать зрителя. В этой отделанности и доведенности формы было даже нечто устрашающее. Предельное внимание к пресловутой "форме", заставило поставить вопрос: "форма" или "содержание"? История давно уже ответила на эту дилемму, поставив вместо разделительного союза — соединительный.

Взглянув с этой точки зрения на работы наших художников, нельзя не прийти к выводу, что эстонского зрителя не могло не подкупить... содержание. В нем, хотя бы в опосредованном виде, присутствует определенное отношение к окружающему миру, есть, если не страсть, то эмоция: улыбка, ирония и самоирония, отвращение и человеческий лиризм. Об этом писала в своей заметке, посвященной выставке в

Тарту, эстонская корреспондентка местной студенческой газеты Пиррет Пуки. Благожелательное отношение хозяев выразилось как в пожеланиях о дальнейшем расширении подобных контактов, так и в издании иллюстрированного каталога выставки. Важно лишь, чтобы эти последующие контакты осмыслились его участниками, чтобы не происходило ни механического переноса ценностей из одной системы в другую, ни противоположного — застылого самолюбования собственным "этнографическим" достоянием, которое не является извечной категорией, но постоянно нуждается в трезвой оценке и переоценках, в укреплении его всем, что можно взять в любой точке земного шара.
